

БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2018.19.3.003

УДК 1(091)

*А. А. Ермичев**

**КАК ИНОСТРАНЦЫ ЗНАЮТ НАШУ ФИЛОСОФИЮ
(«РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ» КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ /
КОЛ. АВТ.; ПОД РЕД. ПРОФ. М. А. МАСЛИНА; СОСТ. ПРОФ.
Л. Е. МОТОРИНА. — МОСКВА: КНОРУС, 2017. — 448 С.)**

A. A. Yermichyov

HOW DO FOREIGNERS KNOW OUR PHILOSOPHY?

*(«Russian philosophy abroad: history and modernity», collective monograf, red. by. prof.
Maslina M. A. Moscow, KNORUS Publ., 2017. 448 p.)*

Книга — о том, где, в каких научных университетских центрах за рубежом изучают русскую философию; кто — славист, советолог, профессиональный философ или историк культуры занят ею; наконец, о том, как ее оценивают, что о ней пишут. Таково основное содержание книги и, в целом, оно изложено во втором, третьем и четвертом разделах.

Второй раздел — «Русская философия в странах зарубежья» — это рассказ о современной историографии русской мысли в США (В. В. Ванчугов), Германии (Ю. Б. Мелих), Франции (А. П. Козырев), Италии (О. И. Кусенко), в некоторых странах Восточной Европы (С. А. Нижников и Л. Е. Моторина) и, наконец, в коммунистическом Китае (В. В. Ванчугов).

Третий раздел — «Интеллектуальные портреты зарубежных авторов» — это очерки и разного рода справки о зарубежных коллегах — знатоках и исследователях нашей мысли — пять англоязычных, пять немцев, три китайца, поляк, итальянец и француз. Некоторые из предложенных здесь материалов являются просто библиографическими справками (М. Денн, Сьюй Фэн-линь, Чжон Бай унь), другие производят хорошее впечатление пространностью рас-

* Ермичев Александр Александрович, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия.

сказа не только о биографии героя или его книгах, но и об идеях, которыми руководствовался он при изучении русской философии (Д. Х. Биллингтон, А. Валицкий, Г. А. Веттер, В. Гердт и др.).

Очень содержателен следующий, четвертый раздел. В нем — восемь статей наших зарубежных коллег, которые, по замыслу составительницы и редактора издания, должны представить уровень зарубежной философской русистики. Открывается раздел интервью с А. Валицким «Русская мысль является частью европейской мысли» (в разделе помещено другое его взвешенное выступление о «Русской идее»), далее следуют статья М. Денн из Франции «Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева», известная отечественному читателю статья Х. Куссе «Диалогическая модель культуры Ф. Степуна и С. Франка» (Германия), статья китайского ученого Ань Ци няня «Достоевский и Маркс» и др. На этих статьях — в общем-то, рядовых, как говорят, «проходных», легко убедиться в высоком профессионализме наших зарубежных коллег, их умении «видеть лес за деревьями». А уж о добросовестном знании ими первоисточников можно даже не упоминать.

Иногда слышишь, что на Западе русскую философию знают плохо, да и не интересуются ею... Книга самым блистательным образом говорит об обратном: и знают, и интересуются. О. И. Кусенко только у теологического направления итальянской философской русистики называет одиннадцать центров, где изучают историю нашей мысли! А. П. Козырев знает шесть центров изучения русской философии во Франции (не считая разных издательств как УМСА-press или L'Age d'Homme), Ю. Б. Мелих тоже знает шесть государственных и общественных центров такого рода в Германии, а помимо того, отмечает, что с 1974 по 1987 г. в университете Бахума вела научные исследования единственная в Германии кафедра с особенным уклоном на восточноевропейскую философию. В США философская русистика поднялась как на дрожжах в годы холодной войны. Об удивительном феномене рождения философской русистики в Китае рассказывает В. В. Ванчугов. В стране существует три центра изучения России; с 1985 г. при разных университетах Китая каждые два года проводятся симпозиумы по русской философии. В. В. Ванчугов так и пишет: Китай «в настоящее время стал одним из мировых центров русских исследований» (с. 179). Наконец, стабилен интерес к русской мысли в славянских странах (статьи Б. Пантелича и В. Меденицы, Е. Грегор, С. А. Нижникова и Л. Е. Моториной и др.). Нет, сетования на якобы невнимание иноземцев к нашей философии совершенно несостоятельны!

Заметно, что в зарубежной историографии нашей философии сложились два подхода. При первом исследователь видит русскую философию в историко-культурном контексте, почти не задаваясь вопросом о степени ее теоретичности, т. е. собственно философичности. Этот подход, судя по книге М. А. Маслина и Л. Е. Моториной, преобладает в зарубежной русистике. В этом случае интерпретация и оценка русской философии будут определяться общественной и культурной позицией исследователя.

Другой подход — когда ученый, ведомый представлением о философии как особого рода рациональном знании, ищет в русской философии теоретическое рациональное содержание. Когда же оно обнаруживается — а оно

в русской философии непременно обнаруживается, — то подчас складывается ситуация, о которой осуждающе замечает известный Д. Ф. Коплстон. Он-то уверен, что философия, которая ставит перед собой задачу рационального преодоления ограниченности рационального мышления (как это, к примеру, делал С. Л. Франк — «была бы неприемлема для большинства философских факультетов англоязычных стран» с. 23).

Другой англоязычный исследователь, Р. Бэрд из Чикаго, призывает своих коллег тоже фокусировать внимание на философском содержании русской мысли, выделять оригинальное в ней и анализировать, почему это сегодня не очень интересно для англо-американской философии (с. 63). Так и пишет. Поразительное самомнение! Другой американец, Т. Зайфрид, вообще находит русскую философию достаточно аномальной (там же).

По-видимому, ученые континентальной Европы спокойнее относятся к ситуации, которая так огорчает англоязычных исследователей. Например, француженка М. Денн констатирует, что «русский тип бытия основан на идее Логоса, выражающего нечто неотмирное» (с. 131), а немецкие ученые, понимая это, исследуют сопряжение «неотмирности» и ее феноменологической данности у русских религиозных философов и находят русскую мысль двоящейся между «философией в России» и «русской философией». В рекомендуемой книге Ю. Б. Мелих дает несколько очерков о современных немецких исследователях — В. Гёрдте, Х. Куссе, А. Хаардте и П. Элене, которые, в общем и целом, разделяют такую направленность при своих исследованиях русской мысли.

Книга начинается с большого первого раздела «Философское россиеведение за рубежом как предметная и проблемная область знания». Он написан редактором, известным московским профессором М. А. Маслиным. Автор понимает русскую философию так, что сразу устанавливает правомерность ее рассмотрения и как явления культуры, и как одной из форм опознания всеобщего. В последнем случае это значит, что русская философия, как и любая иная, «обращена ко всеобщему, нацелена на осмысление фундаментальных философских проблем». Сам М. А. Маслин в согласии с предметом своего сборника, а именно восприятием русской философии разными народами и культурами, рассматривает ее как факт отечественной культуры, который по отношению к нашей истории находится в состоянии социокультурного функционирования. Автор зовет русскую философию «историко-философским отечествоведением» (с. 17) и даже «философским россиеведением» (с. 41). И если она «открыта для понимания представителям других культур» и «отнюдь не замкнута на свои собственные этноязычные особенности» (с. 16), то как раз потому, что она «обращена ко всеобщему».

Далее М. А. Маслин рассматривает роль русского зарубежья в формировании западной историографии нашей философии, особенно подчеркивая выдающуюся роль Г. В. Флоровского и Г. П. Федотова, которые задали высокую планку зарубежному философскому россиеведению (с. 41 и 45), и, наконец, говорит о его путях и перепутьях по окончании Второй мировой войны и затем после бесславного ухода коммунистического руководства России с исторической арены. Сначала, замечает М. А. Маслин, зарубежные исследователи привыкали к словосочетанию «русская философия», а сегодня она изучается ими более спокойно — как предмет и проблема научного исследования.

Все же историко-философскому исследованию совершенно невозможно избавиться от всякого рода «идейных шумов»! М. А. Маслин подчеркивает, что «после распада СССР западные приоритеты в оценке русской философии радикально изменились» (с. 46). Комплементарное изложение идей русских религиозных философов сменилось анализом и критикой. Философов, ранее ценимых в качестве противников марксистско-ленинской идеологии, теперь упрекают в недоверии к Западу, в будто бы ненужном внимании к самобытности отечественной культуры и ее вкладе в мировую историю. Но очевидные процессы дехристианизации Запада вынуждают многих его ученых и богословов вновь и вновь обращаться к русской мысли.

Наконец, книгу завершает пятый, мемориальный раздел, посвященный воспоминаниям о Д. П. Скэнлоне — американском исследователе русской мысли, скончавшемся в 2016 г.

Таково основное содержание книги, очень полезной для наших историков русской философии.

Книга не без недостатков. Неполна география зарубежной философской русистики. Весьма белло очерчена историография русской философии в славянских странах. Например, Чехии отведено две с половиной странички. Между тем, в межвоенный период чехи, благодаря присутствию русских эмигрантов, самым активным образом осваивали нашу мысль и сами испытали ее благотворное влияние. Совсем не упомянут Б. В. Яковенко, очень хорошо вписавшийся в философскую жизнь Чехословакии. Им написана первая «История русской философии» для иностранцев — пражских студентов. Помимо того, он одним из первых стал настаивать на необходимости историко-культурного подхода в оценке русской философии.

Совсем уж печально, что одна из ведущих стран в «философском росси-еведении» — Польша, представлена только через творчество блистательного А. Валицкого, да еще библиографией современных польских публикаций по истории русской философии.

При первом же взгляде на раздел «Интеллектуальные портреты» очевиден другой недостаток книги. Совершенно непонятен принцип отбора представленных здесь «портретов». Почему среди них мы встречаем два имени представителей русского зарубежья — Б. Шлецера и А. Шмемана? Но и количество других представленных имен совсем не соответствует значимости их стран в мировой русистике. Понятно, например, присутствие в этом разделе пяти имен немецкой науки. Англоязычные страны за годы холодной войны сделали мощный рывок в русистике — их пять имен тоже понятны. Непонятно лишь, почему Италия, Франция, Польша — страны, безусловно, ведущие в европейской русистике — представлены только одним именем (Италия — В. Страда, Франция — М. Дени, а Польша — А. Валицким).

Третье критическое замечание касается раздела «Русская философия в текстах зарубежных стран». Представленные здесь тексты интересны, а иные забавны (например, работа Д. Л. Клайна «об орфографическом атеизме» в СССР). Но статьи с обобщающими суждениями о русской философии отсутствуют (или почти отсутствуют, если такими все же считать выступления Ань Ци няня или Валицкого). Но где статьи такого рода В. Гердта, Ф. Ч. Коплстона, В. Страда?

Однако подобные замечания отнюдь не отменяют ее общей положительной оценки. Во-первых, книга дает научно-объективное освещение современного состояния зарубежной историографии русской мысли. В связи с этим припоминается печальной памяти сборник 1960 г. «Против современных фальсификаторов истории русской философии». Как изменились времена! Во-вторых, книга, рассказав о зарубежных подходах к нашей мысли, об ее оценках, понуждает нас к «сверке часов», к сравнениям и сопоставлениям и, значит, к большей ответственности нас в научной работе.